

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

РУССКАЯ ПРОЗА

Никита Питерский

**ПО-
СЛЕД-
НИЙ
ИГРОК**

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 35

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-11851-5

© Н. Питерский, 2016
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Пролог

— Итак, продолжим! — кричит Бернард.

Он вставляет в револьвер новый патрон и прокручивает барабан. Затем передает его мне. Я беру в руку липкую от крови рукоятку. Все мое тело трясет от страха, который я уже не могу контролировать.

— Тридцать секунд! — кричит Бернард. —
Время пошло!

Я оглядываюсь назад. Прорезиненный халат стоящего за мной мужчины испачкан кровью вперемешку с кусочками мозгов. Подношу револьвер к виску и зажмуриваюсь. Он еще горячий после последнего выстрела. Ну вот и все. Я ощущаю, как с сорокового этажа лечу вниз. Ветер бьет по вискам. Голову разрывает от перегрузки. Я пролетаю мимо этажей, в которых трудятся сотни людей, работающих практически без выходных, чтобы оплачивать счета по кредитам и иметь возможность набирать раз в неделю в супермаркете тележки со жратвой. Эти люди живут той жизнью, которую я всегда презирал, но теперь она мне кажется чем-то вполне приемлемым. Теперь я точно знаю, что мог бы прожить такую жизнь и быть вполне счастливым человеком. Этажи продолжают мелькать. Асфальт

НИКИТА ПИТЕРСКИЙ

близок, я уже могу различить окурки, лежащие на нем. Он приближается слишком быстро... Слишком. Вдруг внутри меня что-то щелкает, я слышу собственный голос: *жми!*

— Четыре, три, два!

Я чувствую ледяной ствол, давящий мне в затылок.

— Жми курок!

Глава 1

— Ты идешь? — Визгливый голос Андрея отрывает меня от размышлений. Андрей бездарно протирает штаны и свою жизнь за столом, расположенным у кулера в подразделении элитной недвижимости.

— Куда?

— День рождения Большого Босса. Все уже пьют.

— А, да, точно. Наш всемогущий босс. Нет, не смогу.

— Пытаешься сгореть на работе?

— Смешно. У меня показ объекта через час.

— Ну... значит, оторвемся без тебя.

Он усмехается. С его точки зрения, продинавив день рождения босса, я окончательно закрыл себе путь по карьерной лестнице, а значит у него теперь больше шансов занять кабинет директора подразделения элитной недвижимости — тот пустует уже неделю.

Мысленно наклеивая золотые буквы со своим именем на дверь кабинета, в предвкушении того, что он гордо называл отрывом, Андрей исчезает из поля видимости. Недалекий, страдающий от всевозможных комплексов Андрей относится к многочисленной армии мужчин,

не пытающихся развивать мозги, и поэтому даже в тридцать пять его самый крутой отрыв состоит в том, чтобы выпить пять кружек чешского или немецкого пива и покричать на футболистов в телевизоре — он-то, в отличие от них, всегда знает, как надо играть. Ну и еще рассказать пару заранее заготовленных анекдотов и с их помощью хоть на пару минут ощутить себя центром вселенной.

Если бы он только догадывался, чем занимаюсь я, он не стал бы предлагать мне отрываться с ним и еще парочкой таких же уродов, появившихся на свет по дикой халатности их родителей. Но он этого не знает, не знает никто в этом огромном офисе с ламинатом под выбеленный дуб на полу, обоями под покраску на стенах, мебелью ИКЕА и бездушным офисным освещением на потолке, расположенном на тридцать восьмом этаже, на сто шестнадцать метров ближе к небесам. Не знает, потому что я тщательно скрываю свою вторую жизнь от всех, с кем мне приходится работать, общаться, от тех, кому продаю или сдаю в аренду элитные квадратные метры жилья. Для них я — белая ворона в этом давно прогнившем мире, с его убитыми моральными ценностями. Здесь, в офисе, я не пью, не употребляю наркоту, не курю, не участвую в их сомнительных поездках в баню с девочками, ем только здоровую пищу и никакого фастфуда. Никогда не опаздываю и всегда выполняю план по продажам. Здесь, на тридцать восьмом этаже, у меня безупречная репутация. Когда в курилке после обеда они взхлеб рассказывают о своих хобби, увлечениях, своих слабостях, пороках и о том

подростковом бреде, который они называют сексуальными извращениями, одним словом, обо всей той чуши, на которую они просаживают лучшую часть жизни, часть, которую не сжирает работа и сон, я только молча улыбаюсь уголком рта.

Мы все выбираем свой образ жизни, точнее, думаем, что выбираем, так как на самом деле для подавляющего большинства он уже предопределен. В какой-то, довольно небольшой, мере основы нашей модели поведения в обществе закладываются в школе и родителями, но в большей степени они, еще с детства, формируются благодаря фильмам, сериалам, новостям — одним словом, с помощью СМИ. На сегодняшний день именно этот инструмент больше всего определяет нашу жизнь, наши страхи, наши увлечения, отношение к деньгам, к жизни, к противоположному полу и многое другое. Поэтому все члены общества так похожи друг на друга. У них одни и те же жизненные приоритеты: дом, семья, работа, отдых в выходные с семьей или от семьи. Все сделаны словно под копирку. Одни занимаются спортом, другие смотрят спектакли, третьи пьют пиво в баре, но это абсолютно ничего не меняет — утром в понедельник они все проснутся и пойдут на работу. На мое счастье, СМИ прошли мимо меня, у меня не было привычки читать газеты, потому что отец их никогда не читал, я не смотрел телевизор, потому что у родителей на него не хватало денег. Не было телевизора в юности: я пару раз порывался его купить, но тогда все деньги уходили на девчонок. В зрелом возрасте, когда я обзавелся семьей, у меня были

расходы поважнее телевизора, к тому же жена предпочитала художественную литературу в твердой и мягкой обложке. Поэтому, в отличие от моих знакомых, в моей жизни не было потока дерьма, льющегося из всевозможных СМИ. Не было потока новостей и мудрых советов о том, как вести себя в жизни, где та нравственная грань, за которую нельзя заходить, какие ценности выбрать. СМИ не смогли оказать влияние ни на мое поведение, ни на жизненные приоритеты. Так что не надо меня винить за то, что я совсем не похож на вас, а если и похож, то лишь в совсем малой степени.

Здесь, на тридцать восьмом этаже, я не пытаюсь найти себе ни друзей, ни любовниц и не хочу продвинуться по карьерной лестнице. Меня совсем не мучает совесть за то, что я бездарно трачу жизнь с десяти до семи, что я офисный планктон, — поверьте, это не самое плохое, что может быть. Единственное, зачем я здесь, — это чтобы два раза в месяц получать в конверте топливо, топливо, необходимое мне, чтобы тратить лучшую часть жизни, с семи до десяти, на что-то по-настоящему стоящее. То, что однажды ворвалось в мою жизнь и изменило ее навсегда, спасло от той жизненной рутины, в которую незаметно для себя годам к тридцати пяти — сорока проваливаются все члены социума, активно потребляющие продукцию СМИ.

Глава 2

Сигнализация пищит последний раз, извещая, что отключена, и я отхожу в сторону, приглашая пару, одетую так же, как предыдущая пара, так же, как препрепредыдущая (все миллионеры одеваются одинаково, меняются только бренды на бирках одежды), войти.

— Квартира в светлых тонах. На полу мрамор. — Я автоматически произношу заученные фразы.

— Мне нравится, — говорит вошедшая — ухоженная брюнетка с лицом породистой домохозяйки.

Бирки на ее одежде и сумке буквально кричат, что она сидит на Jimmy Choo, Prada и Gucci, и это типично для породистых домохозяек, предпочитающих глянцевого издания художественной литературе. Она проходит мимо, уверенно открывая все попадающиеся на ее пути двери.

— Это что?

— Постирочная комната.

— Ну, ясно. Домработница будет здесь зависать часами. Лишь бы не работать.

— Где гостиная? — спрашивает ее спутник, сорокалетний мужчина, судя по биркам банально подсевший на Armani.

— Пойдемте за мной, — лакейским тоном приглашаю я.

Мы проходим в пятидесятиметровую гостиную с по-настоящему высокими потолками, камином, большой диванной группой и четырехметровой барной стойкой. Я уже собираюсь нажать кнопку автоматического открывания штор, чтобы поразить их видом из окон двадцать второго этажа, как вдруг замечаю пятна на одной из лежащих на диване подушек. Их происхождение не вызывает у меня сомнения: отличить засохшую блевотину от любых других пятен не так уж и сложно. Их не было еще пару дней назад. Значит, они появились вчера. Черт... Это Лавэ, больше некому. Нужно быстро переводить эту парочку в другую комнату. И я веду их дальше, продавая то, во что не верю, — историю о том, что здесь, в этой квартире, их семья обретет настоящее человеческое счастье, какое показывают в старых голливудских фильмах. Я применяю все умения, приобретенные мной: на тренингах по продажам, на тренингах по переговорам, на тренингах по умению входить в доверие, на семинарах по впахиванию всякого дерьма, на вебинарах по лизанию задницы и тому подобной херне. Мы идем дальше, я без перебоя рассказываю про спроектированную итальянским дизайнером кухню со столешницей из застывшей лавы, про авторскую мебель и двери из палисандра. Про гипсовую лепку на потолке и коллекционные обои в каждой комнате. На тренингах по продажам тебе говорят, что, чтобы продавать, ты должен сам возжелать объект продажи, должен его хотеть, верить в него. Но я не верю

ни в этот домашний кабинет, отделанный панелями из американского ореха, ни в люстры из хрусталя, ни в гардеробную комнату с полками для часов, галстуков, сумок, обуви. Тем не менее я успешно это продаю, ведь если не продавать, стоит ли вообще жить? Именно агрессивные продажи двигают ржавые шестеренки этого мира, помогая ему вертеться. Как сказал мой тренер по продажам: «Как можешь ты ходить по земле и дышать этим воздухом, если не способен продать чесалку для спины?! Ты не достоин ни одной женщины, если за пять минут не превратишь этот пластиковый чехол для хранения овощей в деньги! Тебя необходимо поставить к стенке и расстрелять как ненужный этой планете биологический материал, если уже к обеду я не увижу счастливое лицо беременной восемнадцатилетней девчонки, которую ты убедил влезть в многолетний кредит, чтобы купить двухместную спортивную машину. Ибо жизнь дарована тебе только для одной цели — *выполнять план по продажам!*»

Так что я рассказываю этим клонированным миллионерам о том, как их детишки, заливаясь смехом, будут бегать по просторным комнатам. Как комфортно им будет сидеть у горящего камина холодными зимними вечерами, с бокалом красного вина, и чувствовать себя счастливейшей парой на свете, хотя прекрасно знаю, что их брак не протянет и пяти лет, это видно по тому, как они смотрят друг на друга, как держат дистанцию между собой. Я умалчиваю о том, что пара, которая жила здесь, развелась после бесконечных скандалов, о чем говорят еле заметные

вмятины от женских каблучков и битой посуды на обоях. Я помалкиваю про женщину, встретившую мужчину, который был несколько беднее ее мужа, но зато настоящий самец в постели. Она бросила семью не раздумывая, укатила с ним в Лондон, и теперь я продаю их двухэтажный, в стиле минимализма, окруженный соснами особняк. Не рассказываю, что прекрасная двухсотметровая квартира с барочной лепкой и камином девятнадцатого века появилась в моем списке продаж после того, как муж застал в ванной жену, резвящуюся с тренером по пилатесу, и расхерачил обоим лица молотком для отбивания мяса. После этого случая он разочаровался в жизни и ушел в монастырь. Сейчас он по-настоящему счастлив, живет в шестиметровой келье, следит за грядками с овощами и целыми днями молится. Так что я очень хорошо знаю, что в один прекрасный день эта породистая домохозяйка заметит, что, как бы долго она ни потела на беговой дорожке, как бы много ни делала косметических процедур, закалывая себя ботоксом и подтягивая грудь, муж все реже и реже смотрит на нее с той же страстью, что в первые годы брака. И однажды, как бы это ни звучало банально, она осознает, что он изменяет ей с кем-то постройнее и помоложе. И тут, с вероятностью восемьдесят три процента, если верить тренингам, они снова обратятся ко мне, и я помогу купить ей, уже его бывшей, отдельную квартиру, а с вероятностью девяносто процентов — продать и эту. И это прекрасно, ведь, если подумать, именно несчастливые браки поддерживают нашу экономику, именно они снабжают деньгами агентов по недвижимости, ведь квартиры нужны

как бывшим женам, так и действующим любовницам, они обеспечивают ювелирную промышленность, так как подарки приобретаются и той и другой, и этот список можно продолжать долго.

— Первая спальня. Здесь еще две, в каждой есть свой вход в отдельную ванную и гардеробную. На полу тиковое дерево. Каркас кровати покрыт двадцатью слоями лака. — Мои слова продолжают впрыскивать в сознание этих людей яд, который заставит их купить эту сто семидесятиметровую клетку из стекла и бетона.

Породистая домохозяйка заглядывает в гардеробную.

— А это что? — Она показывает на четыре картонные коробки, какие обычно используют при переездах, стоящие в углу гардеробной. — Неужели нельзя было все вывезти? Это что, так сложно?

— Владельцы заберут это уже в конце недели.

— Сколько сюда помещается сумок? — спрашивает женщина в туфлях от Jimmy Choo, рассматривая стеллаж, сделанный на заказ исключительно для хранения сумок.

— Сумок? — переспрашиваю я.

— Она их коллекционирует, — слышу я саркастический голос мужчины от Armani.

— Это лучше, чем собирать алкоголь, — парирует она. — Так сколько?

— Порядка тридцати, — говорю я наугад.

— У меня их сорок шесть. — Породистая домохозяйка с красной сумкой Prada фыркает и демонстративно выходит из гардеробной.

Я бросаю взгляд на четыре картонные коробки. Я ни за что не признаюсь им, что за ними никто не придет, чтобы забрать. Их просто некуда

забирать, ведь это мои коробки. В них все мои вещи, вся моя жизнь, все сломанные мечты и надежды. Кроме них, у меня нет ничего. Ни квартиры, ни машины, ни семьи. Все это осталось в воспоминаниях и в фотоальбомах с дурацкими пестрыми обложками, которые лежат сейчас в одной из коробок вместе с бритвенными принадлежностями, нижним бельем и ноутбуком. Я живу в этой квартире. Квартире, которую продаю уже три недели, и каждый раз перед тем, как ее хотят посмотреть, заранее собираю свои вещи и аккуратно складываю в эти коробки. Как только ее купят, я переселюсь в другую элитную недвижимость, и там снова будут стоять эти коробки, напоминая мне, что вся наша жизнь в конечном итоге может уместиться в объеме меньший чем один кубический метр.

Мы идем дальше.

— Удачный вид из окон на собственный причал для яхт, — говорю я.

— И много там яхт?

— Ну, не Монако, конечно.

Мы подходим к окну, и он всматривается в темные силуэты пятнадцати- и двадцатиметровых мужских игрушек, каждая из которых стоит примерно столько же, сколько эта квартира.

— Ничего... ничего. — По голосу сорокалетнего мужчины становится ясно, что квартира ему нравится и он про себя начинает просчитывать тактику торгов, чтобы скинуть цену миллионов на пять-десять. Уже через полчаса он пожимает мне руку, которую украшает массивный Patek Philippe, а затем вальяжно садится в свой Aston Martin. Только что, самоуверенно

ПОСЛЕДНИЙ ИГРОК

улыбаясь, он сказал мне, что готов взять квартиру за сто тридцать миллионов, а это на двадцать миллионов меньше, чем за нее хотят, что сильно ударит по моим комиссионным. И дело не в том, что это чрезмерно дорого для него, просто он не может, не способен купить что-то, не отжав скидку. Предполагается, что я должен созвониться с ее владельцем и применить все свои таланты, чтобы сбить цену. «Я сделаю все возможное», — заверил я его. Через опущенное стекло авто я слышу, как он со своей породистой домохозяйкой обсуждает ресторан, в который поедут ужинать. Она говорит, как ей все приелось, как ни один ресторан в городе уже не способен ее удивить. Он отвечает, что тогда он сам решит, куда ехать. Если бы он знал, что я забуду о своем обещании выбить для него скидку уже через минуту, эта наглая, самоуверенная ухмылка растворилась бы на его лице так быстро, как будто ее облили серной кислотой.

Я смотрю, как Aston Martin исчезает за поворотом, и иду к своему, вернее, не своему, а прокатному Volvo. Впереди бесконечно длинная ночь. Ведь когда вы ложитесь спать, моя лучшая часть жизни, часть, которую не сжирает работа и сон, только начинается.

Глава 3

Темный переулок с разбитыми фонарями, целым рядом домов, заколоченных для будущего капремонта, который никогда не начнется, асфальтовой дорогой, чудом сохранившейся, видимо, после нацистской бомбежки, усеянной порванными мусорными пакетами и ползающими по ним крысами. Переулок, в который после одиннадцати вечера не зайдет ни один здравомыслящий человек. Он манит меня. Так обнаженная красotka манит умирающего мужчину, хоть он и понимает, что, возможно, это последняя ночь в его жизни. Я быстро иду, слыша вокруг себя шорох крысиных лап, и стараюсь не смотреть под ноги. Крысы не боятся, даже не отбегают в сторону, ведь это их территория. Подхожу к парадной, возле которой стоит парень, словно сошедший с кадров дешевого криминального сериала, изучающий меня снова и снова, каждый раз, как я появляюсь здесь.

Я молча киваю ему и начинаю расстегивать пуговицы на пальто.

— Проходи.

— Спасибо.

Да неужели?! Почти два года, по два раза в неделю, он или его напарник шмонали меня, чтобы в очередной раз убедиться, что я не вооружен.

Я прохожу внутрь забитого досками дома из старого кирпича. Нужно отдать должное, здесь уже нет крыс и мусора, а путь освещает мягкий теплый свет, идущий от прикрученной к стене работающей лампочки. Поднимаюсь по лестнице, чувствуя, как меня сверлит взглядом еще один герой, чудом избежавший пули в девяностые. За два года он просверлил во мне, наверное, с сотню дырок, но, по-видимому, не устал от этого занятия. Он стучит в дверь, находящуюся позади него. Она открывается, и мне разрешают войти. Вот оно, то место, ради посещения которого я целыми днями впариваю сотни метров жилья.

Здесь на меня набрасывается целая какофония запахов, это смесь запаха кубинских сигар, лишнего запаха отчаяния, дешевой туалетной воды с нотками удачи, бьющий в нос аромат пролитого коньяка с привкусом азарта.

— Добрый вечер, Виктор. — Даря мне белозубую улыбку, девушка, которая явно числится еще и в каком-нибудь приличном модельном агентстве, помогает снять пальто, одновременно давая номерок. — Как всегда?

— Да, но чуть позже, минут через тридцать. Она знает, что я пью, когда бываю здесь, — апельсиновый сок. И, учитывая, что я попадаю на ее смену несколько раз в месяц, я, конечно, мог бы запомнить ее имя, но... когда я переступаю порог этого зала, женщины перестают меня интересоваться, так что плевать... плевать, как ее зовут.

Я иду по относительно небольшому залу в сто двадцать метров, киваю множеству знакомых лиц и подхожу к столу с фишками.

— Привет, Виктор, — кивает мне лысый мужчина за сорок, с тройным подбородком, сидящий за столом со стопками фишек.

— Федор.

— Что, поменял числа?

— В смысле?

— В прошлом месяце приходил по нечетным.

— Это был прошлый месяц.

Меняю двадцать тысяч на фишки и иду к единственному столу с рулеткой в этом официально не существующем заведении. Мое счастливое место свободно. За столом только двое, какой-то топ-менеджер, который находится на первой стадии игровой зависимости, поэтому постоянно проигрывает. Когда он пришел сюда впервые, на его руке были Ulysse Nardin, теперь они перекочевали к барыге, который вечно зависает в двадцать одно и скупает все ценное у игроков. Второго же, не похожего ни на один тип игроков, я вижу впервые — неудивительно, ведь я сменил числа. С апреля я прихожу по четным, и так будет до середины мая. Когда сидишь на азартных играх так же плотно, как нарик, продающий осенью последние сапоги престарелой больной матери, лишь бы хватило на дозу, тут становится важным все: даты, в которые ты приходишь, время, когда садишься за стол, одежда, которая на тебе, и, конечно же, счастливое место за столом. Я знал одного парня, у которого были счастливые носки, и, разумеется, он их не стирал. Разница между мной и всеми нариками лишь в том, что их презирает общество, для него они лишь куча отбросов, которых неплохо было бы накачать тетродотоксином. Люди же как я — это люди, которых ува-

жают, их пускают в лучшие рестораны, банки дают кредиты, а женщины — номера своих телефонов.

Я не новичок в этом деле, у меня есть записная книжка, куда я записываю все даты — даты, в которые на следующий год я приду в это казино, или, наоборот, не приду никогда. Так, двадцать второго апреля я выиграл тысяч сто пятьдесят, тогда я решил прийти в следующий раз в число, которое делится на два, это было двадцать восьмое, и мне снова повезло, я играл часов пять как заведенный и поднял тысяч триста. Как человек, уделяющий внимание мелочам, я заметил, что эти оба раза был в синем кардигане. В следующий раз я пришел второго мая, это было воскресенье, и народу было битком. Я не обратил внимания на какие-то мелочи, говорящие, что не нужно играть сегодня, — слишком был возбужден после предыдущего выигрыша. Сначала я не смог сесть на любимый стул, обитый красным потрескавшимся кожзамом, и кардиган мне не помог, я проигрался так, что потом еще месяц раздавал долги. И что бы сделал новичок? Он разорвал бы кардиган, отдал бы его бомжу, но только не я. Я записал все даты и отложил кардиган до следующего года, чтобы сегодня, двадцать второго апреля, надеть его снова.

Я завожу будильник, чтобы не играть больше трех часов, даже если будет чертовски везти. Я начал это делать после того, как летом засел в казино в субботу вечером и играл больше суток, мне приносили пиццу и суши прямо сюда. После этого я проспал целый день и сорвал серьезную сделку. Я думал, что это научит меня контролировать время игры, но уже через неделю

снова потерял счет времени, правда, в тот раз это был рабочий день, так что начавшийся утром шквал звонков заставил меня выйти на работу. Для таких, как я, играющих запоями, в казино предусмотрена зубная щетка, дезодорант и свежее полотенце, чтобы была возможность хоть как-то привести себя в порядок. Тогда меня отрезвило только предупреждение шефа, что я вылечу с работы, несмотря на то что у меня одни из лучших показателей по продажам. В конце концов я все-таки заставил себя сдерживаться. Так что теперь я завожу будильник, хотя он не всегда помогает, к примеру, если мне будет везти, я не уйду, а заведу его снова, и его мелодия заиграет еще часа через два. И если я снова буду в этот момент в выигрыше, эта процедура повторится снова и, возможно, снова. Та же красотка, которая забирала пальто, передает мне купоны на бесплатные напитки в баре, но я ее уже не замечаю, я не заметил бы ее, даже если бы она стояла в одном только соблазняющем белье от Agent Provocateur. Пока я механическими движениями перебираю в руке стопку фишек, мое сознание полностью погружено в изучение чисел, которые выпали в течение последних восьми минут: 34 красное, 12 красное, 25 красное, 29 черное, 30 красное, 13 черное, 35 черное, 28 черное. Шарик благосклонен ко второй половине чисел, но я рискну, мои первые ставки — на красное и первую половину. И вот оно, то чувство, ради которого я здесь: сердце замирает, кажется, секунд на десять, а потом начинает дико биться, как подросток на дискотеке. адре-

налин впрыскивается в кровь, а мозг начинает с ненормальной скоростью вырабатывать эндорфины, и я понимаю, что жизнь прекрасна.

Ну же... Ну же! Все игроки с замиранием сердца уставились на металлический шарик, исступленно перепрыгивающий с одного числа на другое. 7 красное. Да! Теперь на нечетное, и оставляем на первой половине. Как человек, играющий в рулетку не первый и не второй год, я наизусть знаю все стратегии игры: Мартингейл, АМС, Биарриц, Фибоначчи, Лабушер, Оскара Грайнда, Томаса Дональда, Виттекаера. Но, как человек, играющий в рулетку не первый год, я не использую одну или другую стратегию в чистом виде, рулетка — это прежде всего интуиция.

Глаза снова прикованы к шарик, давай же! Шарик перескакивает еще три раза, все медленнее и медленнее, и падает в лунку с номером 23. Ну что же, я остался при своем.

— Ну как игра? — слышу я голос Лавэ и чувствую дружеский хлопок по плечу.

— Только сел.

Я крепко пожимаю руку двадцативосьмилетнему, слишком модно одетому для этого места парню и разглядываю огромную стопку тысячерублевых фишек, которые он держит двумя руками. Он сразу же начинает ставить их на числа, даже не взглянув на табло с недавно выпавшими номерами, в очередной раз показывая всем нам, которым деньги достаются тяжелым трудом, что для него эти бумажки грязь и расставаться с ними ему так же приятно, как нам лежать в шезлонге у бассейна, попивая мохито.

Ему действительно плевать, ведь он до сих пор не понимает, сколько нужно пахать и сколько нервов нужно потратить, чтобы получить в конце месяца совсем небольшую стопку купюр. Этот парень еще ни разу не работал в своей жизни. И он единственный в этом зале, пропитанном разочарованием и разбитыми мечтами, кто не расстраивается из-за проигрыша, ведь через месяц на его счет будет снова переведен примерно миллион рублей. Эта возможность появилась у Лавэ благодаря отцу, которому принадлежала крупная девелоперская фирма в Москве, аффилированная с мэрией. Но почти сразу же после того, как бессменный мэр столицы навсегда уехал наслаждаться жизнью в Австрию, отец Лавэ скончался при загадочных обстоятельствах. Партнеры отца поделили лучшие куски, а Лавэ остались крохи в виде двух небольших бизнес-центров, прибыль от которых теперь регулярно падает на его счет. Так что кличка Лавэ этому парню подходит как нельзя лучше. Став богатым человеком, Лавэ несколько лет по полной наслаждался жизнью, стал ездить по миру, покупал современное искусство, знакомился со знаменитостями и даже приобрел себе квартирку в Париже. А затем, вернувшись на родину, решил, что нужно на что-то тратить время. Перебрав все варианты и придя к выводу, что имеет все шансы стать знаменитым художником (отсутствие художественного образования при этом его несколько не смущало), он из порочной Москвы перебрался в богемный Питер. В шикарной квартире с видом на набережную Лавэ целых три месяца

писал картины, вернее, обильно заливал листы фанеры краской, вбивал в них гвозди и клеивал куски газет, попутно знакомясь с местными арт-деятелями. Они и привели Лавэ в первое в его жизни подпольное казино. Затем он договорился о том, что сам профинансирует свою выставку: и, разумеется, галерея согласилась. За солидный гонорар критики написали о его творчестве хвалебные статьи — и понеслось. Так Лавэ ворвался в мир современного искусства, и его работы даже пару раз купили. Но к этому времени искусство в жизни Лавэ уже отошло на второй план, ведь, однажды неосторожно открыв дверь в мир подпольных азартных игр, Лавэ был уже не в силах ее закрыть.

Шарик останавливается на цифре 2, и я наблюдаю, как все фишки Лавэ уходят крупье, за одну минуту он спустил пятнадцать тысяч, и это только начало.

С Лавэ мы познакомились всего месяцев восемь назад, но теперь нас можно назвать друзьями, а их у меня немного. Помню, как после шести часов за рулеткой я был беднее бомжа, живущего на порванном матрасе метрах в пятидесяти от казино, и, подойдя к бару, залпом накатил сразу две стопки водки, выданные мне барменом в качестве морального утешения. Учтывая, что я слил всю зарплату и даже ту часть, которую должен был отправить сыну во Францию, вид у меня был как у человека, твердо решившего покончить жизнь самоубийством. Лавэ сидел за соседним столом и вежливо, насколько ему позволяло его воспитание, отбивался от

назойливой красотки с явно переколотыми коллагеном губами, пытающейся раскрутить его на совместный отдых на Бали.

Лавэ перевел взгляд на меня. Изучающе просканировал выразительными, как у Алена Делона, глазами:

— По ходу, круто проигрался?

— Угу... Макс! — крикнул я бармену. — Еще!

Бармен налил мне еще, и жидкость моментально оказалась внутри меня, но легче так и не стало.

— Тебе, похоже, совсем херово, — будто издеваясь, произнес Лавэ.

— Отвали.

Лавэ повернулся к коллагеновым губам:

— Никогда не играй на деньги, которые не можешь позволить себе потерять.

— А я и не играю. У меня для этого есть ты, герой. — Красотка прижалась к Лавэ тем, чем так щедро наградила ее природа в верхней части тела.

Я встал и направился к выходу.

— И все? Сдался? — крикнул он вслед.

— Я что, должен снять штаны и поставить их на красное? — Я повернулся и зло уставился на этого золотого мальчика, словно сошедшего с обложки журнала для девочек-тинейджеров, который появился в казино пару недель назад, но чувствовал себя здесь так, как будто это он его и основал.

— Давай так. Даю десять кусков. Проиграешь — ты мне ничего не должен, но... Если

выиграешь... Все, что выиграешь в ближайшие пять часов, — это пополам.

— Может, лучше тебе проспаться?

— Не слишком вежливый ответ. — Он пристально посмотрел мне в глаза. — Ну так что, ты в игре?

— Уверен, что ставишь на нужную лошадь?

— Тут все говорят, ты — последний настоящий игрок, а такие, проигравшись, всегда отыгрываются.

— Бред, мне не везет с самого утра. Не мой день.

— Просто попробуй. — Он положил на стойку десять купюр по тысяче.

Я задумался: попахивало каким-то разводом, к тому же в прошлом месяце здесь ошивался один любитель мужских задниц, присматривался к игрокам и ссужал деньгами проигравшихся в прах, разумеется не за спасибо. Но Лавэ излучал лишь стопроцентную гетеросексуальность.

— Никаких бумаг подписывать не буду, — положив руку на деньги, произнес я.

— И не надо. Просто играй, и все.

Поменяв деньги на фишки, я дождался, когда сменится дилер, и вернулся к столу. Вообще, когда вам не везет в рулетку, смена дилера очень важна, другая рука с другой силой запускает шарик, начинают выпадать другие числа, и наоборот, если фартит и тут совсем некстати меняется дилер, лучше остановиться ненадолго, понять, что изменилось. В ту ночь Лавэ оказался прав: за семь часов, которые я провел за игрой, я выиграл тысяч сто восемьдесят с небольшим.

Питерский Н.

П 35 Последний игрок : роман / Никита Питерский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).

ISBN 978-5-389-11851-5

Перед вами книга о страсти. О людях, подписавших договор с дьяволом. Дьявол этот — игра. Ставки в этой игре разные — от нескольких сотен долларов в подпольном питерском казино до смертельного выстрела из револьвера в русской рулетке. Виктор, герой романа, вполне обеспеченный человек, торгующий элитной недвижимостью, но работа для него — ширма. Все свободное время он отдает игре. География его игры широка — Петербург, трущобы Вьетнама, Лас-Вегас, Монако, Франция... Он тонет в игорном водовороте, и единственная соломинка, которая его, быть может, спасет — любовь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

НИКИТА ПИТЕРСКИЙ
ПОСЛЕДНИЙ ИГРОК

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Наталья Хуторная, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.09.2016. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 17,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

HBLP1987801R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/